

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА ТЕКСТА В РУСИСТИКЕ

(El problema del estatus del texto lingüístico en la rusística)

© Жанна Г. Амирова

*Казахский университет международных отношений и мировых языков им.
Абылай хана, Алматы, (Казахстан)*

Zhanna G. Amirova

Universidad Kazaja de Relaciones Internacionales y Lenguas del Mundo
“Abylaj jana”, Almaty (Kazajstán)

ISSN: 1698-322X

Fecha de recepción: 26.05.2012

Fecha de evaluación: 28.08.2012

Cuadernos de Rusística Española n° 8 (2012), 15-32

RESUMEN

La rusística moderna considera el texto como un fenómeno complejo con aspectos variados. Las propiedades y los indicios del texto aún no tienen una interpretación detallada. El artículo está dedicado a las cuestiones relacionadas con la precisión de algunas definiciones del texto y con su relación con los niveles y las unidades de la lengua.

Palabras clave: texto, discurso, lengua, oración, resto del habla, material del habla.

РЕЗЮМЕ

В современной русистике текст рассматривается как сложный многоаспектный феномен, свойства и признаки которого до сих пор не получили всестороннего освещения. Статья посвящена вопросам, связанным с уточнением дефиниций текста и определением его положения по отношению к языковым уровням и единицам языковой системы.

Ключевые слова: текст, дискурс, язык, речь, речевой остаток, речевой материал.

Лингвистическая наука начала XXI в. выдвигает различные подходы к исследованию текста (генеративный, логико-прагматический, функционально-прагматический, когнитивно-дискурсивный и др.), которые в принципе не взаимоисключают друг друга, поскольку текст осознается как сложное явление, всестороннее рассмотрение которого невозможно в жестких рамках какой-либо одной парадигмы научного знания. Вместе с тем в работах последних десятилетий подчеркивается значимость описания собственно языковой основы текста, без исследования которой многие современные концепции текста, выдвигаемые в рамках современной антропоцентрической парадигмы языкознания, по замечанию М.Я. Дымарского (2006: 23), «теряют важную точку опоры». Соответственно, не прекращаются попытки выявления некой универсальной модели текста, для построения которой примарное значение, на наш взгляд, имеет его структурно-семантическое исследование.

В наши дни в лингвистике вновь становится заметным усиление стремления к стратификационному описанию явлений языка и речи с позиций строгого системного подхода, учитывающего особенности структуры и семантики рассматриваемых лингвистических объектов. Этот факт, отражающий новый виток в развитии описательной лингвистики, обогащенной достижениями языкознания конца XX века, отмечают российские и европейские лингвисты (В.М. Алпатов, Г.А., Вейхман, Е. Добрева, Ив. Савова, Е. Bernardes, С. Fuentes, R. Nuñez, E. Del Teso и др.). Таким образом, структурно-семантическое исследование текста и текстообразующих единиц не только не устарело, но, напротив, приобретает все большую актуальность в связи с востребованностью лингвистической конкретизации основных понятий текстообразования.

Существование текста как непосредственной реальности языка достаточно осознано любым современным носителем конкретного языка, интуитивно выделяющим границы вербального текста и некоторых его составляющих (например, абзацев, параграфов, глав и т.п.). Однако исследователи, обратившиеся к проблемам текста, вынуждены признать отсутствие в лингвистической литературе единого общепринятого определения понятия *текст*, его признаков и характерных свойств, выделяющих текст среди других фактов речи. Не определено и положение текста в отношении к языковым уровням и единицам языковой системы. Как следствие такого положения почти в каждой работе в области лингвистики текста возникает необходимость рассуждений о том, какова сущность ее основного объекта (текста) и его составляющих. Избежать таких рассуждений не представляется возможным, поскольку именно они позволяют обосновать подходы к освещению избранного круга проблем. В этой связи представляется необходимым краткое освещение особенностей современных дефиниций текста в русистике и подходов к решению вопроса о лингвистическом статусе текста.

Наиболее известным и полным определением текста, чаще всего цитируемым в современных лингвистических работах, является дефиниция, выдвинутая И.Р. Гальпериным (1981) более двадцати пяти лет назад в его монографии, ставшей в России своеобразным «бестселлером» в области лингвистики текста, выдержавшей с момента ее появления уже девять изданий (последнее – в 2009 г.). «Текст – писал И.Р. Гальперин, – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин 1981: 18). На этом определении необходимо остановиться подробнее, поскольку оно отражает достижения лингвистики текста переходного этапа, когда функционально-структурный подход начинает вытесняться коммуникативно-функциональным, соединяет признаки текста в достаточно стройную систему, охватывающую формальные, содержательные и функциональные критерии, подводя итог исследованиям текста 70-х годов. Несмотря на популярность этого определения текста в лингвистических и методических работах, ряд критериев, выдвинутых И.Р. Гальпериным, вызывает определенные замечания, рассмотрение которых

помогает расширить и уточнить сложившиеся представления о тексте как объекте лингвистического исследования.

Согласно И.Р. Гальперину (1981) основными признаками текста являются:

- 1) «завершенность»;
- 2) обязательная связь с письменным вариантом языка (т.е. «объективированность в виде письменного документа»);
- 3) соответствие нормам литературного языка и требованиям жанра («литературная обработанность в соответствии с типом документа»);
- 4) определенная структура, в которую входят как обязательные элементы «заголовок» и «ряд сверхфразовых единств»;
- 5) система средств связи, включающая разные типы связи (лексическую, грамматическую, логическую и стилистическую);
- 6) целенаправленность;
- 7) прагматическая установка.

Невозможно не согласиться с определением текста как «произведения речетворческого процесса», соответствующего нормам литературного языка и требованиям жанра, имеющего определенную структуру, целенаправленность и прагматическую установку, но вызывает возражения обязательная связь текста с письменным вариантом языка, т.е. обязательная зафиксированность в виде письменного документа. И.Р. Гальперин неоднократно подчеркивает и обосновывает именно этот признак текста, возводя его в ранг конституирующих. «Необходимо отметить, – пишет он, – что текст представляет собой некое образование, возникшее, существующее и развивающееся в письменном варианте литературного языка. Только в этом варианте расчлененность текста, эксплицитно выраженная графически, выявляется как результат сознательной обработки языкового выражения» (Гальперин 1981: 15). Подобную точку зрения высказывает и видный казахстанский лингвист А.Е. Карлинский, который называет текст и дискурс «стандартизованными формами коммуникации» в устном (дискурсе) или письменном (текст) виде (Карлинский 2009: 29), таким образом, подобно И.Р. Гальперину, достаточно жестко связывает текст с письменным вариантом существования языка.

Вместе с тем науке хорошо известны факты, когда целостностью, завершенностью, литературной обработанностью, целенаправленностью и прагматической установкой обладали «произведения речетворческого процесса», изначально существовавшие именно в устной форме. Например, эпические сказания разных народов, передаваемые из поколения в поколение, заучиваемые наизусть «с голоса» певца-сказителя (эпос «Манас» у киргизов, «Kaalevi roeg» у эстонцев, сказания о Хоту Матуа у полинезийцев и т.п.), священные писания, ставшие «книгами» значительно позднее, а первоначально существовавшие в устной форме. Так, например, Коран – собрание проповедей основателя новой веры Мухаммада – был записан уже после его смерти по поручению халифов Абу Бакра и Омара сподвижником Мухаммада по имени Зайд ибн Сабит, который помнил проповеди наизусть (Фильштинский, Шидфар 1971: 37-39). Это не «озвученные» письменные тексты, поскольку записаны они были значительно позднее своего возникновения и длительное время бытовали и

распространялись и передавались из поколения в поколение именно в устной форме. Первичность устной формы существования языка неоднократно подчеркивалась и обосновывалась в работах известных лингвистов. Так, в частности, Р.О. Якобсон писал в начале 70-х годов XX в.: «Письменный язык очевидным образом является трансформом устной речи. Все нормальные люди умеют говорить, но почти половина населения земного шара полностью неграмотна, и реальное умение читать и писать является достоянием едва ли не меньшинства людей на Земле» (Якобсон 1998: 317). При этом он подчеркивал, что «обучение и непрерывная передача информации от поколения к поколению» не ограничиваются «миром письма» (Якобсон 1998: 317).

Очевидно, в отношении текста, который создается и воспринимается в устной или письменной форме, следует говорить не об «объективированности в виде письменного документа», а о *закрепленности в пространстве и во времени*, фиксированной в той или иной форме данности, к которой может неоднократно обращаться как автор-создатель, так и реципиент. Такая фиксация текста возможна как на различных материальных носителях, так и в памяти индивида или коллективной памяти. Именно на это свойство текста указывал А.М. Пятигорский (2004) в своих «Лекциях по феноменологии мифа», характеризуя текст как «способ само-объективации сознания». Определяя сущность текста, А.М. Пятигорский подчеркивал: «Я называю текст фиксированным объектом, потому что *процесс* думания с его *временными* характеристиками (такими, как длительность) на этом заканчивается и уступает место *пространству* текста с его *пространственными* характеристиками и измерениями. В тексте мы прежде всего имеем дело с пространством объективированного думания, когда оно может вновь обращаться к этому пространству как к уже сформированному объекту...» (Пятигорский 2004: 68). Определение же текста как «стандартизированной формы коммуникации» (по А.Е. Карлинскому) в принципе не противоречит возможности фиксации текста в индивидуальной или коллективной памяти (индивидуальном или коллективном сознании), поскольку стандартизация предполагает обязательную сформированность объекта, его структурированность, закрепленность формы, которая может проявляться как в письменной, так и в устной форме существования текста.

Следовательно, текст можно определить как *результат нормированного языковой системой «речетворческого процесса», закрепленную в пространстве и во времени «стандартизованную форму коммуникации», фиксированную в виде целостного структурированного объекта на каком-либо из материальных носителей или в индивидуальной и коллективной памяти.*

Некоторое сомнение вызывает и *обязательность* заголовка в структуре текста. Анализ письменных текстов, относящихся к различным функциональным стилям и жанрам, показывает, что *авторский* заголовок перед текстом может: а) отсутствовать; б) присутствовать, но не нести информации о содержании текста; в) присутствовать и нести информацию о содержании текста.

А) Далеко не все даже литературно обработанные и зафиксированные на письме тексты имеют заголовок. Отсутствие заголовка характерно, например, для текстов эпистолярного жанра. Кроме того, можно привести множество стихотворений поэтов разных эпох и стран, которые, представляя собой целостные литературно

обработанные тексты, не имеют авторских названий и именуются в изданиях по первой строке произведения. Таковы, например, известные стихотворения А.С. Пушкина «Во глубине сибирских руд», «Есть роза дивная...», «Какая ночь! Мороз трескучий...», «Близ мест, где царствует Венеция златая», «Всем красны боярские конюшни...», «Блажен в златом кругу вельмож», «В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера» и др.

Б) Вместе с тем широко известен целый ряд специфических письменных текстов, относящихся к официально-деловому функциональному стилю, для которых характерно присутствие заголовка, определяющего жанровую специфику текста, его обязательную структуру (договор, заявление, докладная записка, рапорт, устав, кодекс и т.п.). В этом случае заголовок вводится автором (авторами) текста, но представляет собой лишь общепринятое клише, информирующее о целевом назначении текста, но не о его содержании.

В) С другой стороны, трудно представить публикацию в печатных или современных электронных СМИ, не имеющую заголовка (за исключением хроникальных заметок, идущих под общей рубрикой). Более того, в таком тексте роль заголовка настолько значительна, что к созданию заголовков предъявляются особые требования, главным из которых является «способность обеспечить читателю адекватное представление об основной идее (цели) идущего с заголовком сообщения» (Богословская, Чигилина 1990: 86). Иначе говоря, заголовок текста СМИ несет непосредственную информацию о содержании текста.

Таким образом, заголовок является элементом текста, наличие которого нормируется не языковой системой, а функционально-стилистическими и прагматическими характеристиками конкретного текста. Следовательно, наличие заголовка не является обязательным признаком, характерным для текста любого типа и жанра.

Некоторые авторы, в частности Е.С. Кубрякова (2001), возражают и против такого признака, выдвинутого И.Р. Гальпериным, как «завершенность» текста, приводя в качестве довода существование незаконченных текстов и текстов, заканчивающихся многоточием, предполагающим «додумывание» окончания текста рецепиентом (Кубрякова 2001: 72-81). Этот довод не представляется нам бесспорным доказательством «незавершенности» или отсутствия завершенности текста, поскольку предполагаемое «додумывание» текста адресатом (читателем, слушателем) свидетельствует об обязательности некоего окончания текста. Следовательно, «незавершенные тексты» являются скорее отступлением от нормы – от стандартизированной формы коммуникации.

В уточнении нуждается и еще одна характеристика текста, выдвинутая И.Р. Гальпериным, – наличие в тексте разных типов связи, а именно «лексической, грамматической, логической и стилистической». Ряд «особых единиц» (сверхфразовых единств) в структуре текста, без сомнения, создается на основе определенной системы связей, соединяющих внутренние компоненты таких сверхфразовых единств и сами сверхфразовые единства. Однако указанные типы связей (лексическая, грамматическая, логическая и стилистическая) не образуют единой системы, поскольку выделяются непосредственно на основе средств связи, а не типов семантико-синтаксических

отношений между соединяемыми единицами. Иначе говоря, описание типов связи внутри текста нуждается в определенной градации и прежде всего в выделении специфических текстообразующих типов связи и средств их выражения, формирующих семантическую и структурную целостность текста.

Таким образом, безусловными признаками текста, выявленными к началу 80-х годов XX в., можно признать:

- 1) наличие структуры текста, предполагающей его завершенность;
- 2) наличие некой системы средств связи, объединяющей единицы текста;
- 3) целенаправленность текста;
- 4) прагматическую установку текста (или его «прагматическую ценность»).

Дальнейшие поиски конституирующих характеристик текста демонстрируют постепенное усложнение представлений о тексте как объекте лингвистического исследования. Если первоначально дискуссии о сущности текста «фокусировались вокруг оппозиций текст – предложение; текст – высказывание; текст: письменный или устный; текст – нетекст» (Чернявская 2006: 9), то современная наука рассматривает текст в различных аспектах и ракурсах, а различные дефиниции текста отражают те или иные частные аспекты изучения текста как комплексного целого: грамматический, семантический, прагматический, коммуникативный, когнитивный, лингвокультурологический. Сложный характер текста как комплексного целого хорошо представил еще в середине 80-х годов В.Г. Адмони. «Текст, – писал В.Г. Адмони, – это в высшей степени многообразная, исторически и функционально изменчивая единица социальной коммуникативно-когнитивной практики» (Адмони 1985: 68). Фактически это определение текста обозначило основные направления исследований в области текста в русистике на последующие десятилетия.

В лингвистической литературе конца XX – начала XXI века можно встретить самые разнообразные определения понятия *текст*, различия и специфика которых зависят от того, с позиций какого подхода – интралингвистического, психолингвистического, социолингвистического и т.п. – рассматривается текст. Приведем лишь некоторые из них, отражающие определенные тенденции исследования текста в современной русистике.

Самым известным и широко употребляемым определением текста интралингвистического плана является приведенное выше определение И.Р. Гальперина. С позиций теории коммуникации определяет понятие текст О.Л. Каменская (1990): «Текст есть обладающий специфической структурой знаковый объект (знак), обеспечивающий выполнение коммуникативной функции в соответствии с замыслом автора» (Каменская 1990: 52). Психолингвистическую трактовку текста дает В.П. Белянин (1988): «Текст, представляя собой сложное семантическое образование, имеет ряд характеристик: цельность, связность, эмотивность, креолизованность, прецедентность, скважность» (Белянин 1988: 69). С точки зрения лингвокультурологии, по мнению В.А. Масловой (2001), текст – «это истинный стык лингвистики и культурологи, так как он принадлежит языку и является его высшим ярусом, в то же время текст есть форма существования культуры» (Маслова 2001: 53). Наконец, с позиций когнитивной лингвистики определяет текст, например, Л.А. Нефедова

(2008): «Текст является моделью отражения процесса познания, закреплённого в языковой картине мира, где накопление когнитивного опыта опосредуется языком» (Нефедова 2008: 172). Этот ряд можно было бы продолжить, но и приведенных дефиниций текста достаточно, для того чтобы определить первую характерную особенность современных определений текста в русистике – *разноаспектность*.

Вторая специфическая черта дефиниций текста последних десяти лет заключается в стремлении соотнести и разграничить понятия *текст* и *дискурс*. На исследование текста в русистике наложили свой отпечаток и изменения в представлениях о соотношении понятий «функциональный стиль» и «дискурс», выдвинувшие на первый план проблемы порождения и восприятия текста, что отражается в работах Т.М. Николаевой, С.И. Гиндина, И.Р. Гальперина, В.Г. Гака, Б.М. Гаспарова, А.А. Залевской, О.И. Москальской, З.Я.Тураевой, Е.А. Реферовской, И.И. Ковтуновой, М.В. Ляпон, В.В. Ринберга и др. исследователей.

Термин *дискурс* приобрел популярность в работах последних десятилетий, несмотря отсутствие четкого и общепризнанного определения этого понятия. Широкое распространение в русистике получило афористичное определение понятия дискурса как «речи, погруженной в жизнь», данное Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1990: 136). Не менее известно и определение Ю.С. Степанова, согласно которому «дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности», «это возможный альтернативный мир» (Степанов 1995: 44). В специальной литературе последних лет утверждается положение о том, что дискурс не является величиной, адекватной тексту или синонимичной ему, это понятие значительно шире текста. Текст, как подчеркивает, например, В.В. Красных (1998), – это «элементарная (т.е. базовая, минимальная и основная) единица дискурса – явление не только лингвистическое, но и экстралингвистическое» (Красных 1998: 192). Дефиниции этого типа подчеркивают, что текст уже не рассматривается как независимая высшая коммуникативная единица, а предстает как базовый, но не единственный элемент коммуникативной системы, поскольку сам существует в системе дискурса, понимаемого как совокупность текста и его вокругтекстового, надтекстового и экстралингвистического фона. Таким образом, в 90-е годы исследование текста в русистике тесно связывается с дискурсивным анализом в его когнитивно ориентированной традиции, идущей от Т. ван Дейка.

Третья особенность современных дефиниций текста – *наличие широкого и узкого понимания* текста в рамках собственно лингвистики текста. Текст в широком понимании – это последовательность знаковых единиц, представляющая *информационно-самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на своего адресата* (Кубрякова 2001). Такое определение характеризует текст с функционально-семантической стороны и с точки зрения прагматических свойств, но не проясняет вопрос о его протяженности и структурно-семантической организации. Под эту дефиницию попадают тексты самой разнообразной структуры и объема, представляющие в определенных условиях *самодостаточное речевое сообщение, ориентированное на определенного адресата*: от текста романа до предупредительной надписи «Окрашено!», «Руками не трогать!» и т.п. Более узкое понимание текста включает критерии его протяженности (Николаева 2000: 415), связности и цельности, а,

следовательно, отражает такой важный признак, как структурно-семантическая организованность текста. При таком подходе текст понимается как *некое структурированное по определенным законам единство, состоящее из языковых единиц – предложений, объединенных между собой и образующих более крупные единицы – сверхфразовые единства – тематические отрезки текста, параграфы, главы, разделы и т.д., служащие для передачи определенного законченного содержания, отвечающего целям коммуникации* (Реферовская 1983: 5). Дефиниции этого типа рассматривают текст как максимальную информационную единицу, имеющую системную иерархическую организацию и используемую индивидами в коммуникативной деятельности. Именно такое понимание текста как максимальной коммуникативной единицы, представляющей структурированное единство, между элементами которого имеются значимые отношения и функции и устанавливается семантическая и формальная связность, является основной рабочей идеей нашего исследования.

Вопрос о лингвистическом статусе текста неизбежно встает перед исследователем, занимающимся описанием структуры текста и составляющих его единиц. Для того чтобы составить достаточно полное представление о тексте и составляющих его семантико-синтаксических единицах необходимо, уточнить, как соотносится понятие *текст* с общеизвестными базовыми понятиями современной лингвистики «язык» и «речь», каково его место в системе языковых уровней? От решения этого вопроса зависит не только уточнение дефиниции текста, но постановка задач и выбор методов его исследования, определение текстообразующих категорий и лингвистического статуса единиц сверхфразового уровня.

За прошедшие полвека лингвистика текста накопила значительный объем знаний о тексте и его конституирующих признаках и категориях, но в решении вопроса о лингвистическом статусе текста нет единства мнений. Исследователи высказывают полярные точки зрения на эту проблему: от безусловного признания за текстом статуса языковой единицы (Лешка 1969: 23; Бархударов 1974: 40-41) до определения текста как уровня «не языка, а речи» (Гальперин 1981: 3; Новиков 1983: 4). Объективные причины нерешенности вопроса о лингвистическом статусе текста заключаются и в том, что, с одной стороны, реально наблюдаемые тексты строятся по правилам определенного языка и правилам, универсальным для всех естественных языков, с другой стороны, в реальном тексте действуют и правила не собственно языковые, выходящие за строгие рамки иерархической системы языка. Дискуссионность вопроса о лингвистическом статусе текста представляется закономерной в свете дискуссий о лингвистическом статусе предложения, сравнительно недавно получившего статус моделируемой единицы иерархической языковой системы.

В конце 80-х годов XX в. в рамках коммуникативных теорий намечается некоторое отступление от обсуждения этого вопроса, предлагается рассматривать текст как «манифестацию речевой деятельности», «отражение мыслительного процесса», «способ передачи сообщения» (Реферовская 1989: 3-4).

Таким образом, уже в 70-е годы XX в. закладывается основа понимания текста как специфической единицы, относящейся к «миру языка как средства общения», а, следовательно, занимающей некое особое положение в известной дихотомии «язык – речь».

Как правило, вопросы соотношения любых рассматриваемых единиц с понятиями «язык» и «речь» решаются именно с позиций этой знаменитой дихотомии Ф. де Соссюра, сыгравшей огромную роль в становлении и развитии структурно-функционального языкознания. Как известно, Ф. де Соссюр проводил строгое разграничение между *языком* (*la langue*) и *речью* (*la parole*), которые входят как компоненты в *речевую деятельность* (*le langage*). Из триады Ф. де Соссюра в лингвистике XX в. широкое распространение получило противопоставление двух основных компонентов *la langue* и *la parole* (де Соссюр 1977: 46-53). Третий компонент *le langage* был недостаточно подробно описан самим Ф. де Соссюром, сосредоточившим свое внимание на противопоставлении двух первых. В результате в европейском и русском языкознании распространилась традиция выделять на всех уровнях два ряда коррелятивных единиц, один из которых входит в систему языка, а другой относится к речи (например, фонема – звук, лексема – слово, предложение – высказывание). Свойства текста, в котором проявляется синтез языка и речи, заставили лингвистов иначе взглянуть на это соотношение, что привело к отходу от жесткого разграничения и противопоставления единиц языка и речи на уровне высших синтаксических единиц. В результате наметилась тенденция к отрицанию существования такой жесткой дихотомии. Главные возражения вызывают признаки, по которым Ф. де Соссюр противопоставляет язык и речь: системность ↔ несистемность, социальность ↔ индивидуальность, существенность ↔ несущественность. Так, например, Б.А. Серебренников считает, что речь также должна обладать признаком системности и социальности, поскольку речевое общение происходит в условиях некоторых типических ситуаций, и, следовательно: «Говорящий на определенном языке должен знать, как следует правильно выразиться, правильно построить свою речь в данном конкретном случае. Таким образом, в каждом типическом случае создается своеобразная модель языкового выражения, своя микросистема, имеющая значение для данного случая» (Серебренников 1977: 41).

Первоначально лингвистика текста была воспринята как изучение письменного воплощения *la parole*, однако уже к концу 60-х годов лингвисты пришли к выводу, что текст не может быть истолкован как *la parole* в соссюровском понимании, поскольку структура текста подчиняется определенным закономерностям, т.е. носит системный характер. В то же время исследователи не могли с уверенностью отнести текст к *la langue*, определить его как системную языковую единицу. Своеобразный выход из этой ситуации предлагает в начале 70-х годов П. Хартман (1978), который, во-первых, заявляет о необходимости рассматривать «фактический универсальный феномен языкового характера – образование текста», а, во-вторых, определяет текст как «язык в таком состоянии и такой форме, где он есть или стал выражением, сообщением и тем самым чем-то доступным пониманию» (Хартман 1978: 169). Определение, выдвигаемое П. Хартманом, дает представление о форме проявления языка, доступной пониманию и наблюдению, но не решает проблемы лингвистического статуса текста.

В определении лингвистического статуса текста и его единиц сверхфразового уровня мы будем исходить из достаточно известного в русском языкознании трехчленного противопоставления **язык – речевая организация – речевой материал**, описанного в конце 20-х годов Л.В.Щербой (Щерба 1974: 24-39), которое

дополняет известную дихотомию Ф. де Соссюра. Следует отметить, что в работах последователей этой концепции в 60-е и 70-е годы термин Л.В.Щербы «речевая организация» обычно заменяется термином «речь» без каких-либо значительных изменений в его содержании, т.е. термины *речь* и *речевая организация* употребляются как синонимичные. В таком трехчленном противопоставлении *язык* и *речь* понимаются как абстракция от *речевого материала* – некой *последовательности материализованных знаков*, создаваемой в результате «речевой деятельности» (речевого акта) (Андреев, Зиндер 1962: 7). Различаясь степенью абстрагированности от речевого материала, они представляют разные ступени абстракции: *язык* – более высокая ступень обобщения – «совокупность в первую очередь теоретико-множественных характеристик, неявно заключенных в речевом материале», а *речь* – более низкая ступень – «совокупность вероятностных характеристик того же речевого материала» (Андреев, Зиндер 1962: 8).

В такой интерпретации проблемы *язык* – *речь* понятия «речевой материал», «речевой акт» (речевая деятельность) и «речь» (речевая организация) достаточно четко разграничиваются и противопоставляются друг другу соответственно как *объект*, *процесс создания / восприятия* объекта и *системная организация* (характеристика) объекта:

- а) речевой материал – объект наблюдения;
- б) речевой акт – процесс создания / восприятия объекта;
- в) речь – системная организация объекта.

С этих позиций, любой реальный текст мы представляем как *объект* – конкретный речевой материал, непосредственно данный для восприятия и исследования. Восприятие этого материала читателем (слушателем), равно как и создание его автором, образуют две стороны *речевой деятельности*. Но, являясь неким целостным сообщением, т.е. коммуникативной единицей, порожденной определенной коммуникативной ситуацией и авторской коммуникативной интенцией, этот текст имеет и определенную *речевую организацию*, носящую системный характер, а именно отражает определенный функционально-смысловой тип речи, выражает отношения между адресантом и адресатом речи, имеет ритмомелодическую структуру, представляет образец конкретного функционального стиля, наделен индивидуально-авторскими особенностями речи, образующими индивидуальную стилистическую систему речи, и т.п. Основу же этой речевой организации образуют единицы и категории более высокой ступени абстракции – системы *языка* (определенные модели предложений, словосочетаний, слов, способы связи слов и словоформ и т.п.). К этой системной основе относятся, на наш взгляд, и те регулярно повторяющиеся в любом тексте способы и средства семантико-синтаксической связи предложений-высказываний, которые образуют лингвистическую базу его структурно-семантической целостности. При этом выбор моделей словосочетаний, предложений, слов, отбор средств семантико-синтаксической связи как предложений-высказываний, так и единиц сверхфразового уровня определяется, с одной стороны, речевой организацией текста, обусловленной коммуникативной ситуацией и авторской коммуникативной интенцией, а с другой – требованиями языковой системы.

Таким образом, язык и речь («речевая организация») представляются как две неразрывно связанных взаимодействующих *системы*. Одна из которых (язык) представляет собой социально обусловленный набор знаков и правил их создания и соединения, а другая (речь) – систему использования этих знаков. Иными словами, если **язык** – это код, предназначенный для передачи интеллектуальной и эмоциональной информации, то **речь** – не менее сложная *система* отражения внеязыковой реальности с помощью знаков и правил этого кода. Закономерности *речевой организации* как системы обусловлены сложным многообразием факторов как лингвистического, так и психологического и социального характера, образующих слои речевой организации. Одним из ярусов этого сложного и многослойного образования является, например, стилистическая система речи конкретного автора. Все три указанных в вышеприведенной трактовке компонента – **язык**, **речь** и **речевой материал** представляют три взаимосвязанных и взимобусловленных элемента сложного общественного явления – человеческого языка. Диалектический характер этой взаимосвязи подчеркивается в определении языковой системы, данном Л.В.Щербой: «Что же такое сама языковая система? По-моему это есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах под влиянием этого языкового материала» (Щерба 1974: 28).

Системы языка и речи, с одной стороны, лежат в основе организации речевого материала и непосредственно в нем проявляются, а с другой, – обусловлены этим же речевым материалом. При этом система языка «не только «порождает» речь, не только сдерживает ее поток в известных пределах, – отмечал В.В. Виноградов – но и питается ею, применяется под сильным ее воздействием» (Виноградов 1963: 14). Роль «питательной среды» как для речи, так и для системы данного национального языка играет *речевой материал*, поскольку именно в нем (а не в речи) в первую очередь можно обнаружить «ряд частных и единичных фактов», которые не имеют системного характера и даже «противоречат существующей системе языка» (Аракин 1962). Этот так называемый «речевой остаток», образуемый инновациями, нововведениями, носит окказиональный характер (единичные образования, продиктованные конкретной коммуникативной ситуацией, различного рода ошибки, возникающие в речевом акте и отраженные в речевом материале, и т.п.), составляет часть индивидуальной системы речи конкретного автора, а при определенных условиях может приобрести системный характер в речи некой общественной группы и затем пополнить систему данного национального языка. Такой путь, например, проходят некоторые неологизмы, превращаясь с течением времени из факта речи в факт языковой системы. Это явление на уровне лексики неоднократно описывалось в русистике. На уровне синтаксиса текста к явлениям, проникшим в систему из области «речевого остатка», очевидно, следует отнести, конструкции с сегментацией и парцелляцией высказывания и так называемым «динамическим присоединением» отрезков высказывания.

Схематически соотношение компонентов этой триады, описанной Л.В. Щербой и его последователями, можно представить как «пирамиду», в основании которой лежит «питательная среда» – *речевой материал*, в котором воплощаются *система языка*, *речевая организация* и образуется *речевой остаток*.

Между «слоями» этой «пирамиды» происходит постоянное взаимодействие, суть которого заключается в постоянном обогащении взаимодействующих систем – системы языка и речевой организации – и пополнении речевого материала. При этом система языка занимает доминирующую позицию и управляет инновациями, возникающими в речевом материале, включая, например, новые слова в уже сложившиеся микросистемы лексики (синонимические или антонимические ряды, лексико-семантические группы), подчиняя их уже действующим законам грамматики или, напротив, вытесняя несистемные явления, накладывая ограничения на их употребление. Речевая организация как система, обусловленная сложным комплексом лингвистических, психологических и социальных факторов, регулирует это использование неиссякаемого фонда речевого материала, укрепляя позиции инноваций, отвечающих обновляющимся условиям коммуникации, или вытесняя элементы устаревшие, не соответствующие этим условиям.

Место реального текста (текста-реализации) в этой «пирамиде» характеризует Е.В. Сидоров (2009), отмечая, что «по каждому отдельному достаточно протяженному тексту можно установить значительную часть системы языка», поскольку «каждый отдельный текст воспроизводит языковые единицы всех уровней языковой системы, являясь уникальным воплощением для конкретных коммуникативных целей лексики и семантики, фразеологии, морфологии, синтаксиса и стилистики национального языка. В этом отношении текст выступает в качестве фрагмента языкового материала по Л.В. Щербе» (Сидоров 2009: 100). Вместе с тем позиция в этой триаде текста как некой абстрактно-теоретической единицы нуждается в уточнении.

Между триадой Л.В. Щербы и триадой Ф. де Соссюра есть безусловное соответствие и различия. Если **язык** полностью соответствует *la langue*, то термин **речевая организация** заостряет внимание на системности этого уровня, а *la parole* – на динамике. Представить соотношение понятий «речевой материал» и *le langage* и определить место текста в этой системе позволяет детальный анализ значения терминов Ф. де Соссюра, данный А.Е. Карлинским (Карлинский 2007: 66-68). Рассматривая значение французских терминов Ф. де Соссюра *langage* – *langue* – *parole* и их эквиваленты в других языках, А.Е. Карлинский обращает внимание на термин *language*, которому в других языках трудно подобрать полный эквивалент, и приходит к выводу о том, что понять суть соссюрковского *langage* можно с учетом достижений современной когнитивной лингвистики и лингвистики текста. Значение этого термина, по мнению А.Е. Карлинского, ближе всего подходит к понятию «макротекст», представляющему собой «единство языка и речи» – «совокупность актов коммуникативной деятельности, зафиксированной в звуковой или графической форме» (Карлинский 2007: 67). В концепции А.Е. Карлинского *макротекст* предстает как объект *макролингвистики*, разделами которой являются *когнитивная лингвистика* и *лингвистика* текста. Понятие макротекста – это «логическое завершение определения объекта лингвистики, которое Ф. де Соссюр выразил в своей триаде *langue* – *langue* – *parole*» (Карлинский 2007: 68).

Таким образом, *le langage* Ф. де Соссюра не совпадает по объему обозначаемого понятия с *речевым материалом*, поскольку *речевой материал* в концепции Л.В. Щербы и его последователей (В.В. Виноградова, В.Д. Аракина, Н.Д. Андреева, Л.Р. Зиндера, Е.В. Сидорова и др.) выступает как воплощение системных явлений языка

и речи и несистемного «речевого остатка». Т.е. ведущим принципом представленной выше триады Л.В. Щербы является принцип системности, принижающий все слои представленной «пирамиды», которые выделяются на основе абстрагирования от конкретного фактического материала, данного исследователю в непосредственном наблюдении.

Для определения лингвистического статуса текста как абстрактно-теоретической единицы рассмотренную триаду Л.В. Щербы («язык – речь – речевой материал») необходимо дополнить, отразив позиции текста и дискурса в их отношении к языку, речи и речевому материалу.

Текст как высшая коммуникативная единица представляется нам логической вершиной, «пиком» системы языка и системы речи, воплощающим их синтез. Именно в тексте как системной единице находят свое наиболее полное отражение все изменения систем языка и речи, которые находятся в непрерывном развитии. В дискурсе же приобретают системный характер явления *речевого остатка*, так как устанавливается их закономерность, обусловленность сопровождающим экстралингвистическим фоном, поскольку именно в компонентах сопровождающего экстралингвистического фона, скрыты причины появления *речевого остатка*, выходящего за пределы систем языка и речи. Для иллюстрации этого явления приведем фрагмент из рассказа Н. Нестеровой «Тихий ангел», в котором вербализованы компоненты экстралингвистического фона («фон, поясняющий событие» – в данном случае появление неологизма; «оценка участников события»), объясняющие закономерность появления *речевого остатка* – неологизма *намстить*:

«Она не собиралась, конечно, отправлять папу на тот свет. Но Виоле *намстить* – обязательно.

В школьном изложении Даша как-то выразилась, что один герой другому *намстил*. Учительница зачеркнула приставку «на» и сверху написала «ото», потом пояснила: – Глагола «*намстить*» не существует, есть глагол «отомстить».

Дарья возмутилась:

– Но ведь говорят – «нагадить» и не говорят «отгадить». *Намстить* – это значит талантливо нагадить.

Класс Дарью поддержал, главным образом потому, что урок затягивался и вызовы к доске откладывались. Учительница до звонка рассказывала о неологизмах – новых словах в речи, как они появляются и закрепляются. К доске никого не вызвала, скучные рассуждения про неологизмы все забыли, а «*намстить*» взяли на вооружение. Если пересказываешь новый фильм-боевик, то как объяснишь действия хорошего персонажа по отношению к плохому? Хороший полтора часа справедливость наводил, *намстил* по полной программе». (Н. Нестерова «Тихий ангел»)

Школьница Даша ошибочно, с точки зрения учительницы, употребляет слово *намстил* вместо утвердившегося в системе русского языка глагола *отомстил*. Однако Даша вкладывает в это слово совершенно определенный смысл (*Намстить – это значит талантливо нагадить*) и по-своему аргументирует его употребление (*Но ведь говорят – «нагадить» и не говорят «отгадить»*). Одноклассники принимают

аргументацию и усваивают новое слово («намстить» взяли на вооружение), которое немедленно закрепляется в «подростковом дискурсе», поскольку соответствует его целям и установкам (*Если пересказываешь новый фильм-боевик, то как объяснишь действия хорошего персонажа по отношению к плохому? Хороший полтора часа справедливость наводил, намстил по полной программе*). В данном случае считаем уместным говорить о «подростковом дискурсе» как возможном (альтернативном) мире, за которым, по выражению Ю.С. Степанова «встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса», действуют «свои правила» и «свой этикет» (Степанов 1995: 44). Именно «свои правила» и «свой этикет», а следовательно, и своя система этого альтернативного мира подросткового дискурса делают возможным употребление в нем конструкций *справедливость наводил* и *намстил по полной программе*, которые также относятся к речевому остатку, противоречащему нормам современного русского литературного языка.

Таким образом, понятия *дискурс*, *текст*, *речевой материал*, *речь* и *язык* оказываются охваченными отношениями системности. *Текст* представляется нам высшей коммуникативной единицей, лингвистическим единством высшего порядка, воплощающим *единство языка и речи*, *синтез системы языка и системы речи*. Это представление о тексте находится в полном соответствии и с современной концепцией Т. ван Дейка о соотношении дискурса и текста как вербальной составляющей дискурса.

Исходя из понимания языка как социального кода (абстрактной модели) – основы коммуникации, а речи – как системы осуществления коммуникации, т.е. системы актуализации единиц кода (модели), традиционное противопоставление единиц языка и речи мы представляем, прежде всего, как противопоставление единиц *потенциальных* и единиц *актуализованных* (т.е. соотносенных с внеязыковой реальностью, с типовой ситуацией общения). В области синтаксиса это противопоставление модели синтаксической единицы и *структуры высказывания*. Понятие *структура высказывания* и его соотношение с моделью синтаксической единицы требует уточнения, в котором будем исходить из представления о взаимосвязи формы и значения единицы языка или единицы речи. Следовательно, необходимо определить компоненты значения высказывания, которые обуславливают его форму и выбор синтаксической модели. В определении этих компонентов в качестве исходной точки рассуждения принимаем концепцию структуры значения высказывания, выдвинутую в русистике Г.Я. Солгаником (1981).

Как отмечает Г.Я. Солганик, «в высказывании взаимодействуют три вида значений: 1) предметное (денотативное), 2) объективно-модальное и 3) субъективно-модальное, связанное с принадлежностью высказывания говорящему лицу» (Солганик 1981: 74), добавим также – и с отношением говорящего лица к сообщаемому. При этом первое и второе значения, по мнению Г.Я. Солганика, «моделируются в языке», а третье «формируется непосредственно в речевом акте» (Солганик 1981: 74). Проиллюстрируем эти виды значения на примере высказываний, не превышающих рамки предложения:

- (1) *Я читаю книгу* /‘я (говорящий) утверждаю, что читаю книгу’/;
- (2) *Ты читаешь книгу* /‘я (говорящий) утверждаю, что ты читаешь книгу’/;

- (3) *Он читает книгу* / 'я (говорящий) утверждаю, что он читает книгу' /;
- (4) *Он, конечно, читает книгу* / 'я (говорящий) утверждаю, что он читает книгу и я уверен в этом' /;
- (5) *Он, кажется, читает книгу* / 'я (говорящий) утверждаю, что он читает книгу, но не уверен в этом' /;
- (6) *Он, представьте, читает книгу* / 'я (говорящий) утверждаю, что он читает книгу, и обращаю на это внимание реципиента (слушающего)' / и т.д.

Все приведенные высказывания построены на основе одной и той же синтаксической модели $[N_i - V_j]$, имеют одну обобщенную грамматическую семантику «субъект + действие субъекта по отношению к объекту + объект» и объективно-модальное значение (реальная модальность), но различаются по форме выражения субъекта (*Я – Ты – Он*), связанного с семантикой «принадлежности высказывания говорящему лицу», а кроме того наличием/отсутствием вводных слов (*конечно*) и вводных предложений (*кажется, представьте*), выражающих отношение говорящего к сообщаемому (уверенность – 4, неуверенность – 5, акцентирование – 6).

Субъективно-модальное значение высказывания, имеющее *прямые* (личные местоимения) и *косвенные* (интонация, словопорядок, частицы, междометия, вводные слова и конструкции) средства выражения, представляет, по Г.Я. Солганику, фундаментальное качество речи, выражающее «антропоцентрические установки и устремления» (Солганик 1981: 73) и образует основу для классификации высказываний и построения типологии речи, т.е. носит системный характер.

Очевидно, с выражением «антропоцентрических установок и устремлений» следует связать и те характеристики высказывания, которые выражают коммуникативную интенцию говорящего (пишущего) и актуализацию высказывания, обеспечивающую привязку высказывания к предметному контексту, поскольку они фокусируют интересы говорящего и воспринимающего в процессе коммуникации. К таким характеристикам относятся, например, порядок слов, интонация (*Он читает книгу / Он читает книгу? / Он читает книгу! / Он книгу читает / Читает он книгу*), наличие или отсутствие специальных маркеров (частиц, вводных слов и конструкций) и др. Проблема коммуникативной интенциональности высказывания широко освещается в современной лингвистической литературе, а описание интенциональной структуры высказывания иногда представляется в виде достаточно сложной многоуровневой модели. Без углубления в теорию речевых актов и теорию интенциональности, которое не входит в задачи данной статьи, отметим, что термин «коммуникативная интенция» мы употребляем в значении *коммуникативные намерения, коммуникативная цель, сопровождающая высказывание в общении*. Компоненты, выражающие коммуникативную интенцию, как и средства выражения субъективной модальности, достаточно стандартизованы, поскольку имеют типизированные средства выражения в любом современном языке. Так, например, грамматические средства выражения основных видов коммуникативной интенции в современном русском языке, обобщенных в синтаксической категории целевого назначения, различающей повествование, вопрос и побуждение, также как и основные средства актуализации высказывания (фразовое ударение, порядок слов, выделительно-ограничительные частицы) достаточно описаны в теоретических работах и учебной и справочной

литературе по синтаксису русского языка (см., например, работы И.И. Ковтуновой, А.М. Ломова, И.П. Распопова и др.).

Следовательно, комплекс антропоцентрических установок и устремлений находит выражение в стандартизированных языковых средствах и организации высказывания. Соответственно, под *структурой высказывания* мы имеем в виду не конкретное сообщение, а типизированную структуру, актуализирующую синтаксическую модель, формирующую антропоцентрические установки. В таком случае определение высказывания как единицы *речи* не противоречит ни пониманию высказывания как «системной формации», ни требованию не отождествлять высказывание с единичным речевым актом, поскольку понятия речи, речевого акта и речевого материала строго дифференцированы.

Взаимодействие синтаксической модели и структуры высказывания отражает синтез системы языка и системы речи, характер которого на уровне единиц, непосредственно предназначенных для коммуникации (предложение – сверхфразовое единство – текст) значительно сложнее, чем в сфере единиц докоммуникативного уровня (слово – словосочетание). Этот факт затрудняет системное описание коммуникативных единиц, их моделирование, поскольку здесь, по выражению Э. Бенвениста, исследователь вступает «в другой мир, в мир языка как средства общения». Предложение, как известно, уже получило такое структурно-семантическое описание в виде структурных схем, отражающих типовые ситуации речи-мысли, представленных в русистике, например, в академических грамматиках современного русского языка, изданных в 1970, 1980 и 1990 г. Единицы сверхфразового уровня текста (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое) такой систематизации в теоретических описаниях еще не достигли в силу их особой организации, отражающей более сложный характер синтеза систем языка и речи. Построение таких моделей осложняется, с одной стороны, синтагматическими отношениями коммуникативных единиц в тексте, а с другой – характерным для текста усложненным комплексом «антропоцентрических установок и устремлений». На уровне «высшего синтаксиса» (т.е. «сверхфразового синтаксиса») синтез систем языка и речи проявляется в неразрывной связи и тесном взаимодействии двух типов структур – синтаксических моделей сверхфразовых единиц и актуализующих их типизированных коммуникативных структур, выражающих развертывание коммуникативной перспективы высказывания, его субъективно-модальное значение, коммуникативную интенцию автора.

Таким образом, сверхфразовый уровень текста мы будем рассматривать в соответствии с представлением о тексте как *зафиксированном результате коммуникативной деятельности* – воплощающем *единство языка и речи*, основанное на взаимодействии моделей языковых единиц и системы их актуализации, соотношения с внеязыковой реальностью. Соответственно, структура сверхфразового уровня текста должна обладать сложной многомерной организацией, отражающей данное взаимодействие. Первым шагом к описанию этой структуры должно стать системное описание способов и средств семантико-синтаксической связи предложений-высказываний и сверхфразовых единиц, имеющих регулярное воплощение в любом тексте и непосредственно данных для наблюдения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АДМОНИ, В.Г. (1985): “Грамматика и текст”. – *Вопросы языкознания*, № 1, с. 63-69.
- АНДРЕЕВ, Н.Д., ЗИНДЕР, Л.Р. (1962): “К понятию языка и речи”. В кн.: *Тезисы докладов Межвузовской конференции на тему «Язык и речь»*. Москва, с.6-8.
- АРАКИН, В.Д. (1962): “Язык и речь, их соотношение”. В кн.: *Тезисы докладов Межвузовской конференции на тему «Язык и речь»*. Москва, с. 9-10.
- АРУТЮНОВА, Н.Д. (1990): “Дискурс”. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Советская энциклопедия, Москва.
- БАРХУДАРОВ, Л.С. (1974): “Текст как единица языка и перевода”. В кн.: *Лингвистика текста. Материалы научной конференции. Часть 1*. МГПИИЯ им. М. Тореза, Москва, с. 40-41.
- БЕЛЯНИН, В.П. (1988): *Психолингвистические аспекты художественного текста*. Издательство МГУ, Москва.
- БОГОСЛОВСКАЯ, О.И., ЧИГИЛИНА, И.И. (1990): “Газетный заголовок в коммуникативном аспекте”. В кн.: *Типология текста в функционально-стилистическом аспекте*. Пермь. С.89-95.
- ВИНОГРАДОВ, В.В. (1963): *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. Наука, Москва.
- ГАЛЫПЕРИН, И.Р. (1981): *Текст как объект лингвистического исследования*. Наука. Москва.
- ДЫМАРСКИЙ, М.Я. (2006): *Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX – XX вв.* КомКнига, Москва.
- КАМЕНСКАЯ, О.Л. (1990): *Текст и коммуникация*. Высшая школа, Москва.
- КАРЛИНСКИЙ, А.Е. (2007): *Избранные труды по теории языка и лингводидактике*. Алматы.
- КАРЛИНСКИЙ, А.Е. (2009): *Методология и парадигмы современной лингвистики*. Алматы.
- КРАСНЫХ, В.В. (1998): *Виртуальная реальность или реальная виртуальность?* Наука, Москва.
- КУБРЯКОВА, Е.С. (2001): “О тексте и критериях его определения”. В кн.: *Текст. Структура и семантика. Т. 1*. – Москва. С.72-81.
- ЛЕШКА, О. (1969): “Иерархия ярусов строя языка и их перекрывание”. В кн.: *Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие*. Наука, Москва, с. 20-27.
- МАСЛОВА, В.А. (2001): *Лингвокультурология*. Центр «Академия», Москва.
- НЕФЕДОВА, Л.А. “Восприятие текста как активный когнитивный процесс”. В кн.: *Слово, высказывание, текст в коммуникативном, прагматическом и культурологическом аспектах. Сб. статей IV международной научной конференции 25-26 апреля 2008 г. Челябинск. Том 1*. РЕКПОЛ, Челябинск, с.с. 172-176.
- НИКОЛАЕВА, Т.М. (2000): *От звука к тексту*. Наука, Москва.
- НОВИКОВ, А.И. (1983): *Семантика текста и ее формализация*. Наука, Москва.
- ПЯТИГОРСКИЙ, А.М. (2004): *Непрекращающийся разговор*. СПб.: Азбука-классика. Санкт-Петербург.

- РЕФЕРОВСКАЯ, Е.А. (1983): *Лингвистические исследования структуры текста*. Наука, Москва.
- РЕФЕРОВСКАЯ, Е.А. (1989): *Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте*. Наука, Ленинград.
- СЕРЕБРЕННИКОВ, Б.А. (1977): “Еще раз о дихотомии «язык и речь»”. В кн.: *Язык и речь*. Тбилиси, с.41.
- СИДОРОВ, Е.В. (2009): *Онтология дискурса*. Издание 2-е. Книжный дом «ЛИБРОКОМ», Москва.
- СОЛГАНИК, Г.Я. (1981) “К проблеме типологии речи”. *Вопросы языкознания*, № 1, с. 70-79.
- СОССИЮР, Ф. ДЕ. (1977): “Курс общей лингвистики”. В кн.: *Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию*. Прогресс, Москва, с. 31-273.
- СТЕПАНОВ, Ю.С. (1995): “Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности”. В кн.: *Язык и наука конца XX века. Сб. статей*. РГГУ, Москва, с. 35-73.
- ФИЛЬШТИНСКИЙ, И.М., ШИДФАР Б.Я. (1971) Очерк арабо-мусульманской культуры. Москва.
- ХАРТМАН, П. (1978): “Текст, тексты, классы текстов”. В кн.: *Проблемы теории текста. Реферативный сборник*. АН СССР Институт научной информации по общественным наукам, Москва, с. 168-185.
- ЧЕРНЯВСКАЯ, В.Е. (2006): “О статусе лингвистики текста в когнитивно-дискурсивной парадигме”. В кн.: *Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 10. Пермь*. С. 9-15.
- ЩЕРБА, Л.В. (1974): *Языковая система и речевая деятельность*. Наука, Ленинград.
- ЯКОБСОН, Р.О. (1998): “Речевая коммуникация”. В кн.: *Якобсон Р.О. Избранные работы по лингвистике*. БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене. Благовещенск, с. 306-318.